

УДК 911.3(470)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРЕТИЧНОЙ СФЕРЫ ЭКОНОМИКИ В РЕГИОНАХ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

© 2021 г. С. Г. Сафронов*

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, Россия
*e-mail: saffff@mail.ru

Поступила в редакцию 28.02.2021 г.
После доработки 19.03.2021 г.
Принята к публикации 27.04.2021 г.

Тенденция к снижению роли первичного и вторичного секторов в экономике России стала особенно заметной в постсоветский период в процессе перехода к рыночным отношениям. При анализе ускоренного развития третичного сектора главный акцент обычно делается на его объективный характер и соответствие общемировым трендам. Однако, несмотря на общую с европейскими странами модель трансформации структуры экономики, результаты количественно и качественно отличаются от более развитых стран. Различия еще сильнее проявляются на уровне регионов. В статье итоги развития третичного сектора России представлены в сравнении с другими европейскими странами и на уровне субъектов РФ. Информационная база исследования включает: базы данных EuroStat и World Bank (межстрановые сопоставления); материалы Росстата (типологизация регионов России); квартальные сведения о поступлении налогов Федеральной налоговой службы (анализ устойчивости подотраслей третичного сектора в условиях коронавирусного кризиса). Отставание России по доле третичного сектора в экономике, быстро сокращавшееся в первые полтора десятилетия постсоветского периода, в последние годы стабилизировалось. Отставание обуславливают утяжеленная структура экономики в сочетании с непростыми институциональными условиями для развития услуг B2B, пониженные стандарты потребления населения, в том числе в связи с его относительно низкими доходами, разреженность расселения, более позднее начало терциаризации. На региональном уровне количественный и качественный рост третичной сферы характерен для стабильной по составу группы из полутора десятков наиболее продвинутых субъектов РФ. В большинстве остальных он скорее вторичен и происходит на фоне спада в других секторах экономики. Устойчивость третичной сферы в период коронавирусного кризиса определялась соотношением более инерционных нерыночных и уязвимых рыночных подотраслей. В группу с наибольшими относительными потерями попали как сильные регионы с умеренной диверсификацией третичного сектора и повышенной долей услуг B2B, так и самые слабые территории, где рыночные отрасли представлены преимущественно розничной торговлей.

Ключевые слова: сектор услуг, динамика структуры экономики, COVID-19, коронавирусный кризис, устойчивость третичной сферы, типология регионов России

DOI: 10.31857/S2587556621040087

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Рост третичной сферы в экономике развитых стран проявился давно, а термин “терциаризация” уже стал неотъемлемой частью научного дискурса. Принципиальная схема “третьей волны”, впервые целостно сформулированная Д. Беллом еще в конце 1950-х годов, в дальнейшем получила развитие в концепциях информационного, а затем сетевого общества (Тоффлер, 2009; Castells, 2009). Построенная в логике модернизационного подхода она на каком-то этапе представлялась универсальной для всего мира: вступление в постиндустриальную эпоху было связано с усложнением человеческих потребностей и, как следствие, многоплановым развитием

сектора услуг, для которых ключевое значение приобретала информация и методы ее обработки. Однако уже к середине 1970-х годов однозначно позитивные оценки перспектив постиндустриального будущего стали предметом дискуссий даже применительно к развитым странам (Уэбстер, 2004). Среди проблем наметившейся “эпохи разобщенности” – барьеры в формирующейся новой социальной стратификации общества, усиление социальной дифференциации, трансформация традиционных мотиваций развития для разных групп населения. “На смену проблеме ограниченности дистрибутивных благ пришла проблема ограниченности благ статусных, кото-

рая, похоже, вообще не имеет решения” (Белл, Иноземцев, 2007, с. 244–245).

Все это имеет и полимасштабную региональную проекцию. Для стран, не занимающих верхние этажи в мир-системной иерархии, в некотором роде предопределено дальнейшее отставание от лидеров, источников технологических и институциональных инноваций. Проблемы больших и асимметричных государств, где инновационные ядра напоминают острова в море периферии, усугубляются их неоднородностью (Трейвиш, 2009). Свою роль играют и субъективные факторы: так, Россия, по мнению ряда экспертов, принадлежит к числу государств, которых сложившаяся за последние два десятилетия система управления экономикой и политические институты практически лишили надежд стать самостоятельными частями постиндустриального мира (Иноземцев, 2018). Конечно, трудно избежать искушения попытаться разглядеть передовые западные тренды и в современных российских реалиях (Пилясов, 2009; Замятина, Пилясов, 2018). Однако это, скорее, всего лишь фиксация очередных волн “инструментальной модернизации”, столь характерной для стран догоняющего развития, когда иллюзия сближения с лидерами создается за счет концентрации материальных и организационных ресурсов на отдельных, в основном стратегических, направлениях в весьма ограниченном числе центров (Вишневский, 1998).

Все это не отменяет сам процесс терциаризации, который в странах мировой полупериферии, в том числе и в России, проявляется прежде всего в расширении ареалов структурного доминирования сектора услуг и для многих регионов остается формой кризисной адаптации хозяйства в условиях спада в других секторах экономики. Развитие и усложнение третичной сферы, связанное со способностью усваивать, адаптируя под себя, внешние инновации и продуцировать собственные, свойственно относительно небольшому числу территорий. В результате возникает более или менее широкий спектр региональных типов терциаризации. Цель настоящего исследования — попытаться систематизировать региональные типы на примере России.

ИЗУЧЕННОСТЬ ВОПРОСА

Работы, посвященные третичному сектору, в отечественной регионалистике можно разделить на три направления. В рамках первого анализируется общая логика постиндустриальной трансформации экономики с точки зрения структуры ВРП и занятости: близость к европейской модели сочетается с сильной внутренней дифференциацией, в том числе наличием большой группы регионов, идущих по американо-азиатскому пути

(Трейвиш, 2008). Второе направление посвящено анализу внутренней структуры валовой добавленной стоимости (ВДС) третичного сектора, межстрановым сопоставлениям и типологиям, основанным на системе формализованных индексов (Савлов, 2012). Комплексных исследований, посвященных анализу территориальных аспектов развития третичного сектора в России, немного (Иванов, 2012). Чаще эти проблемы затрагиваются или в региональной социально-экономической аналитике, или в отраслевых работах, большинство из которых посвящены социальным услугам (Зубаревич, 2013) или розничной торговле (Зотова, 2006; Россия регионов ..., 2005; Территориальная ..., 2017). Эта отрасль имеет широкий территориальный охват и лучше обеспечена информационными и статистическими материалами, поэтому она часто выступает в качестве ключа для анализа барьеров распространения инноваций в третичной сфере (Баранов, Сафронов, 2019).

Понятия и термины, определяющие третичный сектор экономики, в последние годы активно обсуждались в отечественной научной периодике: на смену узкому пониманию, ассоциирующемуся с уходящим в советскую эпоху понятием сферы услуг как части нематериальной сферы народного хозяйства, приходит более широкое толкование с позиций, по меткому выражению А.А. Ткаченко и А.А. Фомкиной, экономического подхода (Зубаревич, 2013; Савлов, 2018; Ткаченко, Фомкина, 2016). В данной статье понятия “сектор услуг”, “третичный сектор”, “третичная сфера” используются как синонимы и включают самый широкий спектр услуг, потребителями которых выступают не только население, но и юридические лица (Ачкасова, 2013). На произошедший сдвиг в научном дискурсе повлияли как реалии жизни, в которых рыночные услуги занимают все более и более значимое место, а уровень их развития служит индикатором состояния региональной экономики, так и переход на западные стандарты статистического учета.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методической проблемой изучения изменений в сфере услуг является поиск индикаторов уровня и качества происходящей трансформации. Хотя идеи о выделении четвертичного и пятеричного секторов экономики были высказаны еще Д. Беллом много десятилетий назад, прийти к консенсусу об их составе и вычленить их на основе имеющейся статистики пока однозначно не удастся (Иноземцев, 2000). В данной статье для этой цели используется понятие *верхнего этажа* третичной сферы, или *продвинутых* услуг. Они включают рыночные направления, ориентирую-

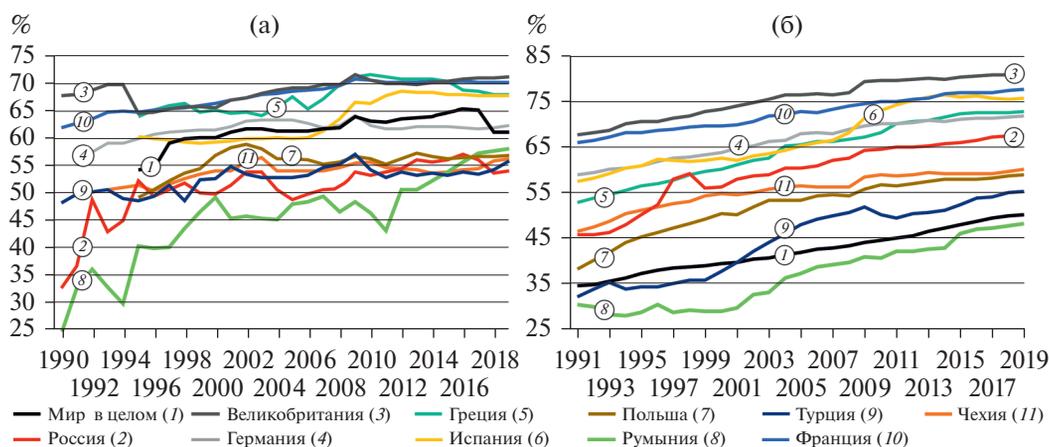

Рис. 1. Динамика доли третичного сектора в некоторых европейских странах и в России в 1991–2019 гг., %: (а) в ВВП, (б) в занятости. Составлено по данным World Bank.

щиеся на конечного потребителя, прежде всего юридических лиц, обычно относимые к услугам типа *B2B*¹. В отличие от *традиционных*, в первую очередь социальных, ориентированных на население услуг вклад продвинутых услуг в налоговые поступления третичной сферы намного существеннее, а центры их повышенной концентрации относительно немногочисленны.

Статья основывается на материалах трех типов источников. Межстрановые сопоставления по доле третичного сектора в ВВП и занятости проводились на основе данных World Bank, а по структуре валовой добавленной стоимости третичного сектора – информационной базы EuroStat. Их корректное сравнение с данными Росстата стало возможным начиная с данных 2016 г., после “гармонизации” верхних этажей группировок ОКВЭД-2 (Общероссийского классификатора видов экономической деятельности) с классификацией, применяемой в странах ЕС (*NACE Rev.2*). Материалы Росстата также использовались для типологии регионов по структуре ВРП третичного сектора в 2016–2018 гг. и анализа трансформации структуры третичной занятости в 1990–2018 гг. Такой анализ возможен лишь в общем виде из-за несопоставимости использовавшихся в разные годы классификаторов ОКОНХ/ОКВЭД (ОКОНХ – Общероссийский классификатор отраслей народного хозяйства). Ситуация в третичной сфере в период коронавирусного кризиса представлена на основе квар-

тальной статистики Федеральной налоговой службы (ФНС) в разбивке по видам экономической деятельности (ВЭД). Типы структуры ВДС третичного сектора и особенностей его динамики в период кризиса построены на основе сложных группировок по двум основным и нескольким дополнительным признакам.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Переход России к постиндустриальной экономике проходил по европейскому варианту, через непродолжительный по историческим меркам период относительного доминирования в структуре ВВП и в занятости вторичного сектора (Трейвиш, 2009). Поэтому сравнение результатов трансформации в разных типах европейских стран наиболее логично (рис. 1). В государствах Восточной Европы она началась позднее и тормозилась политическими факторами (Грицай и др., 1991; Нефедова, Трейвиш, 1994). Другая причина более медленного развития сектора услуг, и в первую очередь его верхних этажей, – утяжеленная структура экономики России, медленный рост и сильная дифференциация доходов населения. Серьезное, но не определяющее значение имеет и сильная территориальная разобщенность российских крупногородских центров, концентрирующих в себе наиболее развитые виды услуг.

На начальном этапе постиндустриальной трансформации было принято обращать внимание прежде всего на ее социальный характер, отмечая, что, как правило, уровень производительности труда в третичном секторе ниже, чем в обрабатывающих производствах. В последние десятилетия в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий ситуация

¹ В их число включены пять крупных видов экономической деятельности по ОКВЭД-2: Деятельность в области информации и связи; Деятельность финансовая и страховая; Деятельность по операциям с недвижимым имуществом; Деятельность профессиональная, научная и техническая; Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги.

Таблица 1.* Структура валовой добавленной стоимости третичного сектора в странах Европы, в среднем в 2016–2018 гг., % от общего объема третичного сектора**

ВЭД	Россия	Велико- британия	Франция	Германия	Греция	Испания	Норвегия	Ирландия	Чехия	Польша	Румыния	Турция
Торговля оптовая и розничная	23.5	13.4	13.1	14.5	15.1	17.2	12.5	13.0	18.1	27.5	18.0	22.1
Транспортировка и хранение	11.2	5.1	5.7	6.5	9.4	6.4	7.5	3.8	9.6	11.0	10.8	15.1
Гостиницы и общественное питание	1.4	3.7	3.6	2.4	8.6	8.4	2.3	3.0	3.1	2.0	3.5	5.6
Информационные услуги	4.1	8.6	6.8	7.1	3.9	5.2	6.8	21.7	9.5	6.7	9.6	4.7
Финансы и страхование	7.0	8.6	5.3	5.7	6.7	5.4	8.3	10.3	7.2	6.8	4.4	5.6
Операции с недвижимым имуществом	15.8	16.9	16.2	15.3	21.2	15.7	12.0	9.8	13.9	7.5	13.7	12.8
Профессиональная, научная деятельность	6.9	10.0	10.3	9.4	4.2	6.4	7.3	7.7	8.7	9.2	8.6	4.1
Административные услуги	3.8	6.7	7.4	7.5	2.2	5.6	4.5	10.9	3.2	4.0	4.6	5.4
Государственное управление	12.6	6.2	9.8	8.9	12.7	8.3	10.4	5.6	9.4	8.3	8.3	8.8
Образование	5.4	7.2	6.7	6.4	6.9	7.1	8.2	4.4	6.9	7.0	5.9	7.7
Здравоохранение	5.7	9.5	11.6	11.1	5.4	8.9	17.1	7.7	7.1	6.7	7.1	4.6
Культура, спорт, досуг	1.6	2.0	1.8	2.0	2.0	2.9	1.5	1.3	1.7	1.2	3.1	1.7
Прочие виды услуг	1.0	2.2	1.7	3.2	1.8	2.5	1.6	0.9	1.6	2.1	2.4	1.8
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:												
продвинутые услуги	37.7	50.8	46.0	45.0	38.1	38.4	38.9	60.4	42.4	34.2	40.9	32.6
традиционные услуги	25.2	24.9	30.0	28.4	26.9	27.1	37.2	18.9	25.1	23.2	24.3	22.8
<i>Справочно:</i>												
Доля третичного сектора от общего объема ВДС, %	58.9	78.8	78.9	68.6	79.6	74.0	64.6	59.8	61.8	64.3	63.6	61.3

* В таблице и на рисунках приняты сокращения названий разделов ОКВЭД-2, например, “Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов” – торговля оптовая и розничная; “Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение” – государственное управление; и т.п.

** В ценах 2018 г. в национальных валютах.

Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2019; EuroStat.

стала меняться и, в первую очередь, в развитых странах (Демидова, 2006). В какой мере это коснулось России, по целому ряду причин, в том числе информационных, можно судить лишь косвенно. Она относится к числу стран, в которых доля третичного сектора в занятости устойчиво выше его доли в структуре ВВП (на 8–10 п. п.), что связано не только с особенностями структуры экономики и статистического учета третичного сектора, но и с более низкой производительностью труда в секторе услуг.

Хотя в 1990–2000-х годах России удалось несколько сократить отставание по доле третичного сектора в структуре ВВП, на протяжении 2010-х годов этот разрыв оставался стабильным. Существующая динамика пока никак не позволяет приблизиться к лидерам, и устойчивое положение в группе стран с транзитивной экономикой

практически не меняется. По итогам 2020 г. можно ожидать проседания отдельных отраслей третичного сектора в связи с коронавирусом кризисом (Кузнецова, 2020; Мониторинг ..., 2020).

По структуре ВДС третичного сектора Россия также ближе всего к группе восточноевропейских стран с более высокой долей розничной торговли и транспорта и существенным отставанием продвинутых услуг, выступающих индикатором качественного уровня развития третичной сферы (табл. 1). Пониженная доля последних сближает Россию и с более широким кругом стран европейской периферии, в том числе с менее развитыми по европейским меркам государствами Южной Европы. Несмотря на постепенный рост численности занятых в верхних этажах сектора услуг, динамика их доли в ВВП в этой группе стран остается неустойчивой (рис. 2). Доля соци-

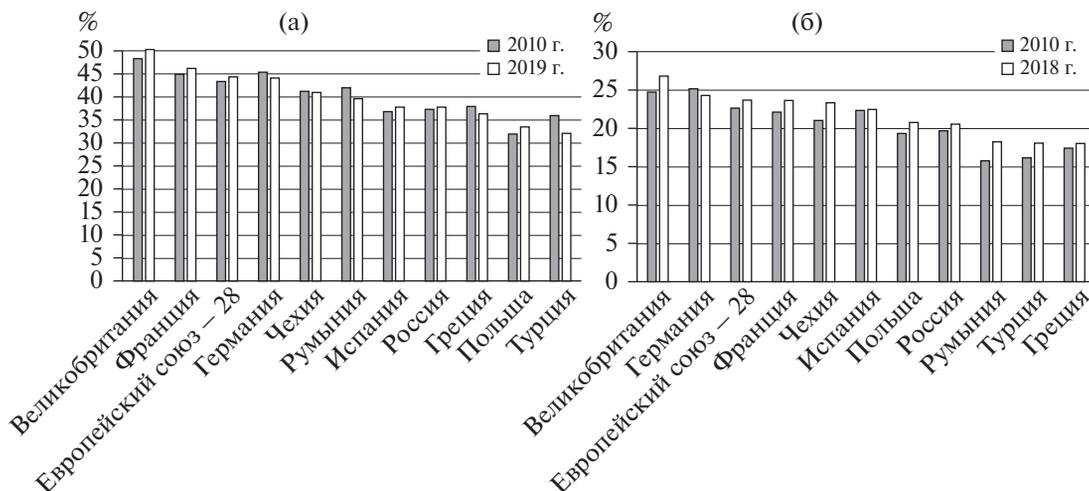

Рис. 2. Доля продвинутых отраслей сектора услуг в третичном секторе в некоторых европейских странах и в России в 2010 и 2018 (2019) гг., %: (а) в ВДС, (б) в занятости. Составлено по данным EuroStat.

альных услуг заметно варьируется и напрямую не характеризует ситуацию в третичном секторе, поскольку, скорее, связана с особенностями национальных систем здравоохранения и образования, как, например, в Норвегии.

Занятость в третичном секторе

Одна из ключевых социальных функций третичного сектора — поддержание стабильности рынка труда. Роль третичной занятости в эконо-

мике России за последние 30 лет заметно выросла, преодолев 50-процентный рубеж еще в 1997 г. Значительно увеличилась и абсолютная численность работников сектора услуг в большинстве российских регионов (рис. 3). Из отдельных отраслей третичной сферы наибольший рост, почти в 2.3 раза, показала розничная торговля, принявшая на себя значительную часть избыточной занятости 1990-х годов (Россия регионов ..., 2005). Оценить динамику продвинутых отраслей довольно сложно ввиду отсутствия сопоставимых

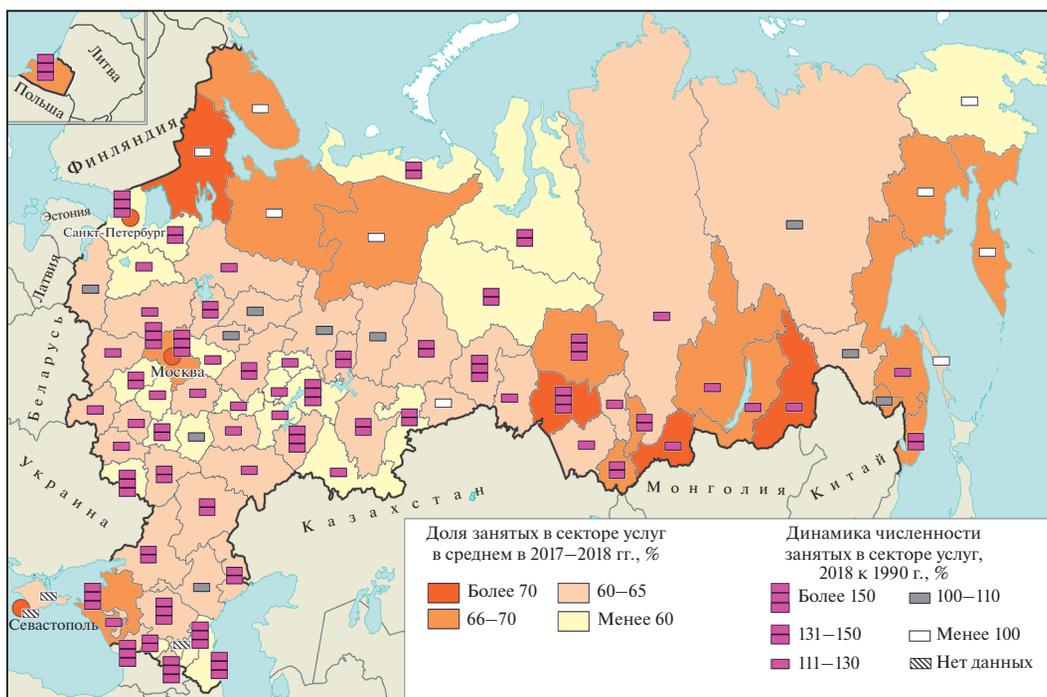

Рис. 3. Занятость в третичном секторе по регионам России в 1990–2018 гг. Составлено по данным ЕМИСС.

рядов данных. Очевидный спад 1990-х годов, в основном связанный с сокращением научного и технического персонала, в 2000-х годах сменился постепенным ростом, но уже за счет специальностей, обслуживавших предпринимательскую деятельность. Однако он был остановлен чередой кризисов в середине 2010-х годов. Межрегиональные различия в скорости развития сферы услуг во многом определялись неравномерностью постиндустриального перехода, особенностями структурной трансформации региональных экономик и процессами диффузии инноваций.

На региональном уровне ощутимая положительная динамика абсолютной численности работников третичной сферы в 1990–2018 гг. (в 1.5–2 раза) была характерна для двух контрастных типов регионов. Один тип – это полтора десятка наиболее развитых, миграционно привлекательных субъектов РФ с крупными, растущими центрами, где процесс терциаризации шел и количественно, и качественно, существенным образом изменив структуру экономики. Другой тип – это регионы, в которых рост занятости как во всей экономике, так и в третичной сфере был во многом связан с выходом из тени малых и средних предпринимателей, разрастанием розничной торговли на фоне спада в обрабатывающих производствах и сохранения избыточной занятости в сельском хозяйстве (в большинстве северокавказских республик).

Существенно больше регионов – с умеренным и даже незначительным ростом числа работников третичного сектора, происходящим на фоне снижения общей занятости в экономике (в 1.1–1.6 раза). В этом контексте можно рассматривать, во-первых, кризисную терциаризацию – снижение численности занятых в третичной сфере при резком увеличении ее доли, когда сектор рыночных услуг стал прибежищем для рабочей силы, высвобождаемой из других секторов экономики. Такие процессы были характерны для регионов со сжимающимся расселением, кризисными явлениями в экономике и интенсивным миграционным оттоком на севере Европейской России и на Дальнем Востоке (см. рис. 3). Во-вторых, так называемую ложную терциаризацию, представляющую собой увеличение значимости простых услуг на фоне низкого уровня экономического развития (в наименее развитых национальных республиках).

Хотя с количественной точки зрения третичная сфера в постсоветский период и выполнила роль важного социального демпфера, произошедшая трансформация структуры занятости, как правило, вела к снижению социального статуса и нерациональному использованию потенциала работников других отраслей экономики и в

большинстве регионов не стимулировала рост квалификации занятых.

Третичный сектор в ВРП регионов России

Доля третичного сектора в суммарном ВРП регионов России превысила 50-процентный рубеж относительно поздно – лишь в 2004 г. Достигнув максимума в 57% в 2014 г., доля вновь снизилась до 54% в 2018 г. Такая ситуация связана как с унаследованным от советского периода индустриальным перекосом в экономике, так и с усилением уже в постсоветский период ее сырьевых отраслей. Значительно превосходят среднероссийский уровень по доле третичного сектора в ВРП (от 60 до 70%) лишь города федерального значения и субъекты РФ, столицы которых выполняют функции межрегиональных центров услуг. В верхнюю часть рейтинга также попадают слаборазвитые национальные республики с ложной терциаризацией. Замыкают его нефте- и газодобывающие регионы (до 35%) и области, специализирующиеся на экспортоориентированных отраслях промышленности.

При анализе приходится учитывать, что фиксируемая статистикой доля третичного сектора, как отмечают эксперты, скорее всего, несколько завышена (Кузнецова, 2018). Это связано с особенностями организации статистического учета, например, включением в третичный сектор, в раздел НИОКР, производственных подразделений исследовательских организаций, производящих товары. Поэтому, несмотря на то, что в 1999–2018 гг. темпы роста третичного сектора обгоняли темпы роста ВРП в целом (соответственно 2.5 против 2.1 раза), вопрос о качестве и содержании произошедшей терциаризации остается открытым. Перечень регионов с повышенным по сравнению со среднероссийским уровнем *душевого ВРП в третичном секторе* в 2016–2018 гг. был невелик: всего 11, а без учета транспорта – всего 10. В их число кроме двух столиц и Московской области входят или нефте- и газодобывающие регионы с благополучными бюджетами и повышенной платежеспособностью жителей, или регионы с высокой стоимостью эксплуатации социальной инфраструктуры, которую не в состоянии скорректировать никакие поправочные коэффициенты, обычно используемые для межрегиональных сопоставлений² (рис. 4). Для многих регионов азиатской части страны и Европейского Севера повышенные социальные расходы бюджетов и высокая стоимость нерыночных услуг – два фактора, взаимно усиливающие друг друга.

В течение 1999–2018 гг. *душевой ВРП в третичном секторе* в сопоставимых ценах в целом в

² Например, “Стоимость фиксированного набора товаров и услуг” по субъектам РФ, регулярно публикуемая Росстатом.

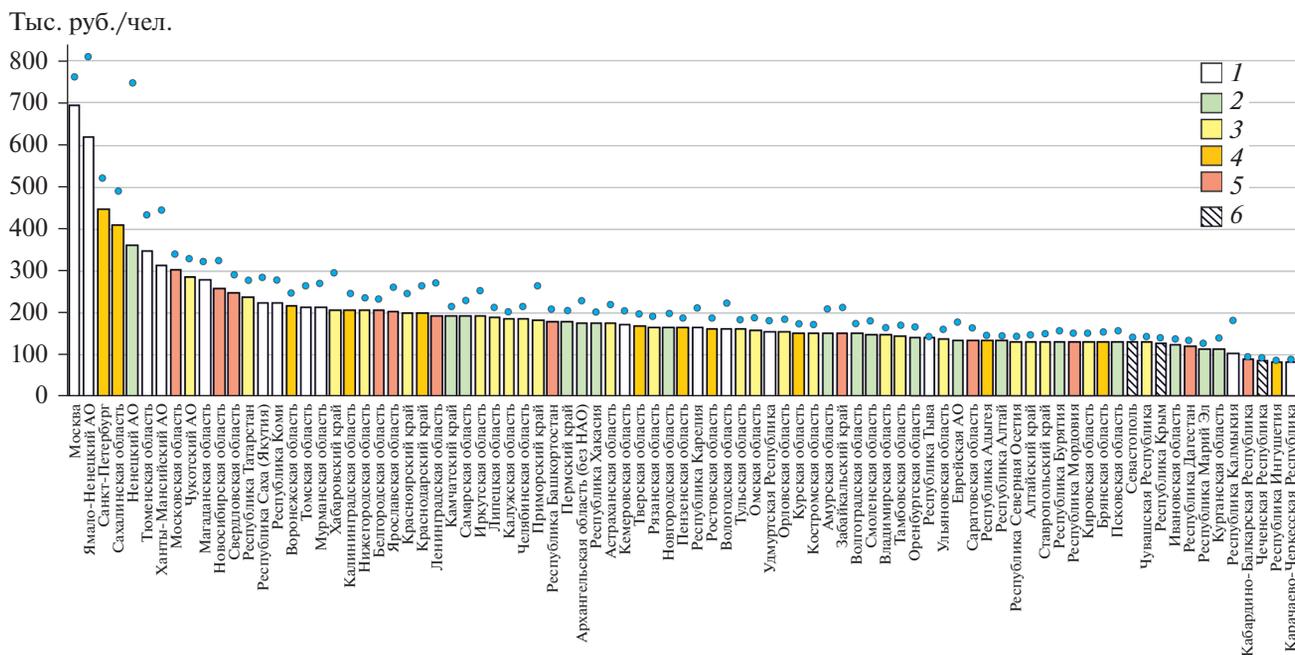

Рис. 4. Среднегодовой душевой ВРП в секторе услуг и его динамика в регионах России: 1) 2016–2018 гг. (столбцы – без учета, точки – с учетом транспортных услуг), тыс. руб./чел.; 2) 2016–2018 гг. к 1999–2001 гг. (в сопоставимых ценах, скорректированных на стоимость жизни), % (цвет столбцов): 1 – менее 200, 2 – 200–240, 3 – 241–300, 4 – 301–330, 5 – более 330, 6 – нет данных.
Составлено по данным ЕМИСС.

России увеличился в 2,3, а без учета транспортных и логистических услуг – в 2,4 раза. При анализе динамики эти виды услуг были исключены из расчетов, поскольку они искажали картину, улучшая показатели удаленных регионов с высокими транспортными издержками, трудно интерпретируемыми тарифами, развитой сетью технологического транспорта, а также слабо развитых регионов с низким уровнем развития других подотраслей третичного сектора.

Если не считать Московскую область, которой интенсивное развитие услуг в поясе, непосредственно прилегающем к границам столицы, позволило войти в число лидеров, основные изменения заметнее всего во втором–третьем десятках рейтинга (см. рис. 4). Перераспределительная политика государства подтянула, но не более того, к среднероссийскому уровню регионы с ведущими крупногородскими агломерациями (Новосибирская, Свердловская, Воронежская, Ленинградская области), а также области, успешно реализовавшие имевшийся потенциал или вновь открывшиеся возможности развития (Ярославская, Белгородская).

Однако число таких регионов невелико. Почти половина лидеров по темпам роста – регионы с низкой базой, где рост произошел в первую очередь за счет улучшения ситуации в предоставлении социальных нерыночных услуг или реализа-

ции инфраструктурных проектов. Пожалуй, главное исключение – Санкт-Петербург (рост за 1999–2018 гг. без учета услуг транспорта в 3,2 раза), финансовые возможности которого в 2000-е годы существенно улучшились. Это заметно на контрасте с Москвой, где показатели уже были высокими и за двадцать лет увеличились лишь на 60%. При этом достигнутый душевой уровень ВРП в третичной сфере в столице, где зарегистрированы подразделения крупных компаний, обслуживающих внешнеторговые операции, скорее всего несколько завышен.

Несмотря на почти двукратное за двадцать лет сокращение разрыва между лидерами и аутсайдерами, которое произошло в основном за счет подтягивания самых отстающих регионов на фоне более медленного роста лидеров, в трети субъектов РФ уровень душевого ВРП в третичном секторе (без учета транспортных и логистических услуг) по-прежнему составляет не более 50% от среднероссийского уровня. Почти треть субъектов РФ в 1999–2018 гг. показали пониженные темпы роста душевого ВРП в третичном секторе при исходной не слишком высокой базе.

Типы регионов по структуре ВРП сектора услуг

Основные различия между субъектами РФ по структуре совокупного ВРП третичного сектора определяются вкладом в него розничной торгов-

Таблица 2. Типы регионов России по структуре ВРП в секторе услуг в 2016–2018 гг.

Тип	ВЭД третичного сектора	Подтип	Число регионов	Доля в структуре добавленной стоимости сектора услуг				
				социальные услуги	торговля	государственное управление	транспортные услуги	операции с недвижимостью
I. Сервисный	Сбалансированная многопрофильная структура	I-с	2	8–16	25–37	4–6	9–14	13–13
		I-ц	5	13–15	22–32	6–8	12–24	7–15
		II-о	25	14–24	18–43	8–16	8–19	2–13
II. Торгово-социальный	Торговля и социальные услуги	С повышенной долей:						
		II-г	7	17–28	22–32	13–25	5–16	3–12
		II-тр	17	14–29	15–32	6–16	15–30	5–14
III. Социально-управленческий	Социальные услуги и государственное управление	II-н	13	12–22	22–37	8–15	7–16	14–21
		III-о	5	26–41	13–19	25–36	3–13	1–5
		С повышенной долей:						
IV. Торгово-ресурсный	Оптовая торговля, лизинговые услуги, научная деятельность по обслуживанию горнодобывающих отраслей	III-тр	5	14–22	5–15	10–23	20–51	4–11
		III-т	4	25–32	20–27	23–29	5–7	3–10
		IV	2	11–18	13–33	6–8	19–29	5–9

Источник: составлено по данным ЕМИСС.

ли, транспорта и расходов на государственное управление. В 2016–2018 гг. они в сумме давали более 2/3 добавленной стоимости, создаваемой в российском секторе услуг. Это позволяет разделить российские регионы на четыре типа (группы) и выделить несколько подтипов – от субъектов с наиболее разнообразной структурой третичного сектора до территорий, где он фактически сведен к социальным услугам, имеющим преимущественно нерыночный характер и подушевое финансирование (табл. 2, рис. 5).

В *первый тип (I)* входят экономически развитые регионы, имеющие наиболее разнообразный и сбалансированный состав третичного сектора. Их число невелико: в них располагаются ведущие межрегиональные центры обслуживания (*I-ц*). Отдельно выделяются Москва и Санкт-Петербург (*I-с*), в которых разнообразие дополняется и максимально доступным в России уровнем, и эксклюзивностью целого ряда предоставляемых услуг (см. рис. 5).

Предпосылок для расширения этой группы нет: даже в “тучные годы” (2000–2008) сверхконцентрация всего и вся, от финансов до кадрового потенциала, в двух федеральных городах (Москве и Санкт-Петербурге) и ограниченном числе крупных агломераций так и не позволила что-то принципиально изменить в структуре сектора услуг других регионов (Зубаревич, 2007). Единственное исключение – Тюменская область, бла-

годаря ресурсной ренте сумевшая за последние два десятилетия увеличить долю верхних этажей сектора услуг.

Второй тип (II) – наиболее многочисленная группа – включает большинство рядовых российских регионов, в структуре третичного сектора которых доминируют торговля и социальные услуги (*II-о*). В сумме они составляют не менее 50% ВРП третичной сферы (без учета транспорта). Повышенная доля услуг госуправления характерна для более слабых регионов с глубинным или периферийным положением на территории России и для базы Черноморского флота – Севастополя (*II-з*).

Третий тип (III) состоит из наименее экономически развитых национальных республик и периферийных регионов. Наряду с социальными услугами непропорционально большую долю составляют услуги госуправления (*III-о*). В сумме эти два ВЭД дают от 50 до 73% объемов ВРП третичной сферы (без учета транспорта). Торговля в них развита слабее, ее доля превосходит 20% лишь в трех северокавказских республиках (*III-м*).

Более четверти всех регионов относятся к подтипу с повышенной долей транспортных услуг (*II-тр* и *III-тр*), ведущая роль в которых принадлежит грузозуму транспорту. Некоторые из них специализируются на добыче и экспорте полезных ископаемых (республики Коми и Якутия),

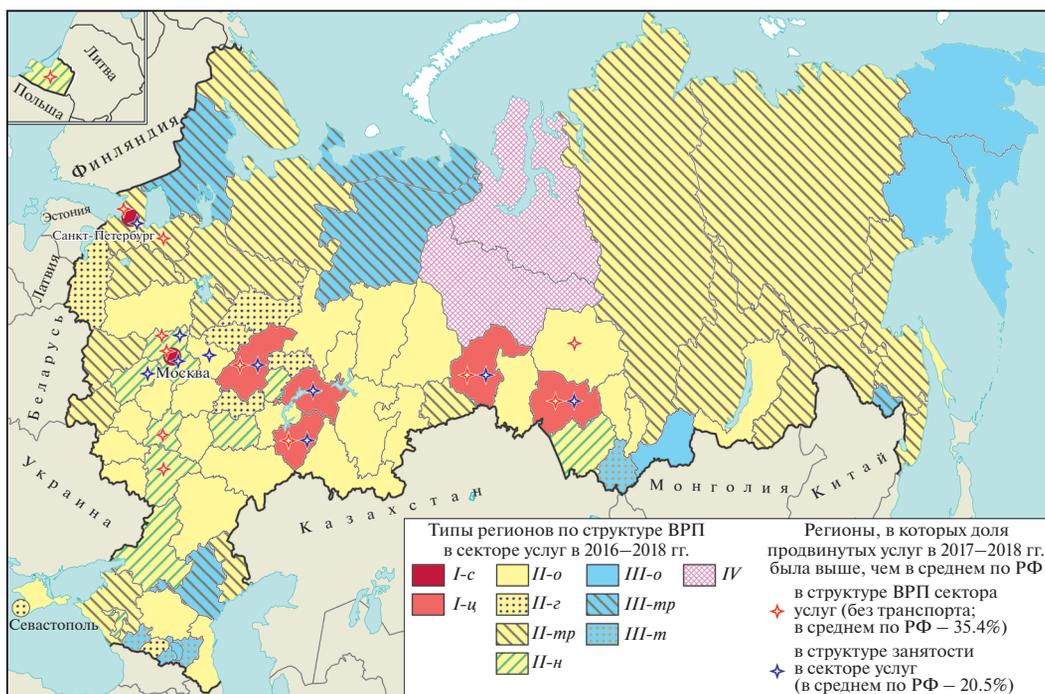

Рис. 5. Типы регионов России по структуре ВРП третичной сферы (см. табл. 2).

другие – благодаря выгодному транспортно-географическому положению имеют развитый транспортный комплекс (Краснодарский и Приморский края, Ленинградская, Мурманская и Архангельская области). Ряд областей извлекают выгоду из своего приграничного или транзитного положения на важных транспортных магистралях (Смоленская, Брянская, Курганская области, Забайкальский край). В Калмыкии рекордные 42% вклада транспорта в ВРП третичной сферы связаны с обслуживанием проходящего по ее территории магистрального нефтепровода (Каспийского Трубопроводного Консорциума (КТК)).

Заметную группу составляют регионы с повышенной долей операций с недвижимостью (*II-н*). Как правило, это субъекты РФ с динамично развивающимися ареалами крупногородского расселения, в которых благодаря благоприятным экономическим и природно-климатическим условиям идет более активное развитие строительного комплекса. Два региона – Краснодарский край и Ленинградскую область – можно отнести к двум подтипам (*II-тр* и *II-н*).

Особая структура третичного сектора у двух нефтегазодобывающих округов, выделяемых в отдельный тип (*IV*). В них велика доля транспорта, а также “административной деятельности и сопутствующих дополнительных услуг”, за которыми стоит инженерно-техническое и проектное сопровождение проектов в нефтегазовой сфере. Повышенная доля этого ВЭД характерна также для Республики Коми и Ненецкого АО, имеющих много общего с западносибирскими округами в структуре экономики. В Ямало-Ненецком АО кроме того повышена доля торговли, в первую очередь оптовой, связанной с реализацией продукции газодобывающей отрасли.

Территории с повышенной долей продвинутых услуг не образуют целостной группы (см. рис. 5). В нее кроме регионов из типа *I* можно за счет повышенной доли “Операций с недвижимым имуществом” включить некоторые субъекты РФ из подтипа *II-н*, а также Томскую область, имеющую развитую науку.

Коронавирусный кризис

Сложный по своей природе коронавирусный кризис 2020 г. поставил вопрос об экономической устойчивости, или резилиентности, третичной сферы и проявил другие особенности ее структуры, хуже улавливаемые стандартной статистикой³. Хотя шоковые социальные ограничения в период весеннего локдауна в той или иной мере коснулись всего третичного сектора, наиболее острая фаза кризиса затронула его отрасли в разной степени.

Относительно небольшое влияние кризис оказал на нерыночные услуги, имеющие в структуре налоговых отчислений высокую долю НДСЛ – госуправление, образование и здравоохранение (рис. 6). После небольшого спада во втором, наиболее сложном, квартале они постепенно вышли на уровень соответствующего периода 2019 г. Пожарные вливания в здравоохранение и рост объемов ковидной помощи не оказали значимого влияния на налоговые отчисления и, видимо, не сумели скомпенсировать сокращение объемов остальных медицинских услуг, качество и доступность которых существенно снизились.

Отрасли, даже с учетом инфляции продемонстрировавшие *небольшой рост*, – розничная торговля, которая стала ускоренно перестраиваться в результате развития *online* сегмента; информационные услуги, спрос на которые заметно вырос; а также административные услуги за счет заметного роста спроса на услуги клининговых компаний⁴, обеспечивающих уборку и дезинфекцию в госучреждениях, торговых сетях, медицинских и транспортных организациях, а также в прочих помещениях различного назначения.

Наиболее сильный спад наблюдался в отраслях, предоставляющих рыночные услуги и имеющих в отчислениях более высокую долю налога на прибыль: большинство из них так и не сумели к концу III квартала восстановить хотя бы докризисный уровень. Кроме работающих на конечного потребителя учреждений гостиничного бизнеса, общественного питания, культуры, спорта и досуга, в эту группу попадают и большинство отраслей, оказывающих услуги юридическим лицам. Перспективы восстановления последних связаны не только с нормализацией социальной жизни, но и с общими перспективами возобновления экономического роста.

Хотя на начальном этапе кризиса важным фактором динамики была глубинность положения региона на территории России, непосредственно повлиявшая на сроки введения ограничительных мер, в конечном итоге *территориальная проекция кризиса в третичной сфере* определилась вкладом рыночных и нерыночных подотраслей в ее валовую продукцию. Более устойчивой и адаптивной кроме столичных регионов оказалась третич-

³ В качестве экспресс-индикатора масштабов спада в апреле–июле 2020 г. можно использовать квартальные данные о поступлении налогов и сборов в консолидированный бюджет РФ по видам экономической деятельности. Эти сведения позволяют оценить экономическую активность большинства отраслей третичной сферы, в которых отсутствуют значительные, неопределенным образом “размазанные” по месяцам года объемы возврата НДС, других налогов и акцизов, как, например, на транспорте.

⁴ По ОКВЭД-2 клининговые услуги входят в раздел “Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги”.

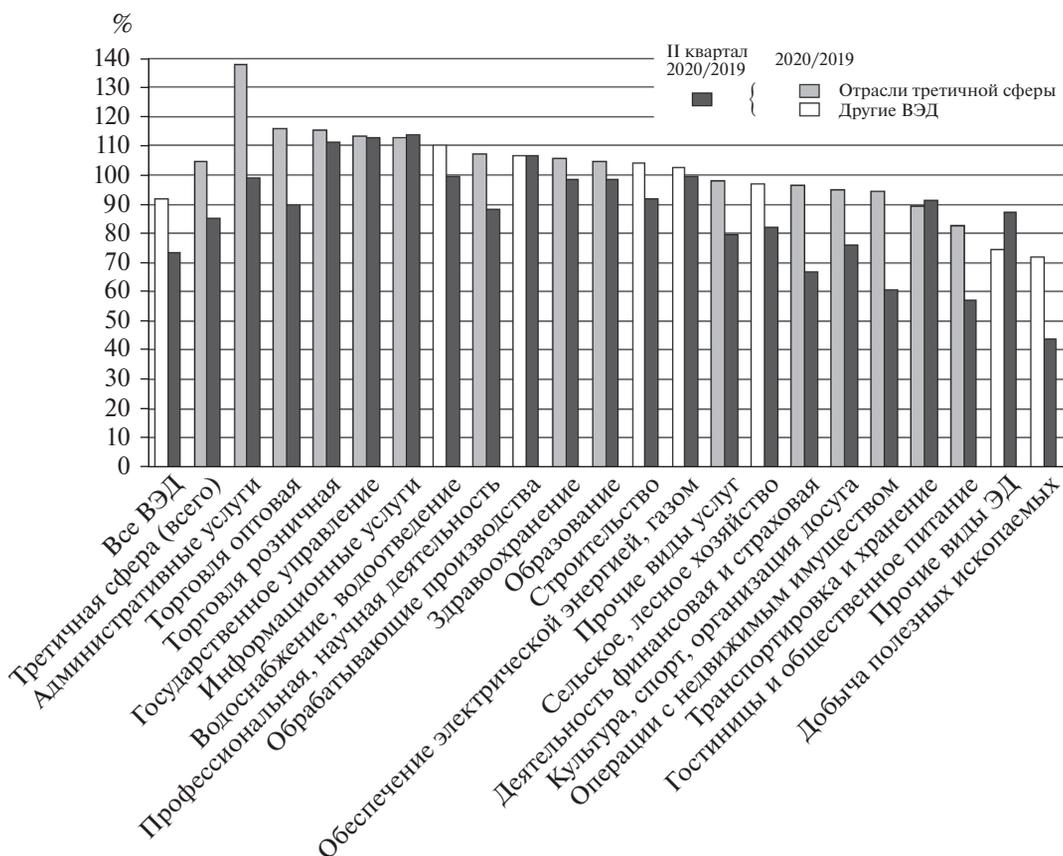

Рис. 6. Динамика налоговых поступлений по видам экономической деятельности, 2020 г. к соответствующему периоду 2019 г., %. Составлено по данным ФНС, https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

ная сфера крупных городских агломераций и центров с развитой и диверсифицированной структурой услуг (Новосибирск, Воронеж). Сильный спад отмечается, во-первых, в более индустриальных субъектах РФ, где снижение платежеспособного спроса населения усугубило сокращение объема услуг *B2B*, предоставляемых в первую очередь предприятиям экспортоориентированных отраслей (рис. 7). Во-вторых, сильный спад отмечен в национальных республиках со слабо диверсифицированной экономикой, где социальные ограничения привели к сокращению товарооборота розничной торговли, основной из представленных рыночных отраслей третичного сектора.

В регионах Азиатской России и Европейского Севера с очаговым типом освоения негативное воздействие на ситуацию, по-видимому, оказал расселенческий фактор. Он обуславливает повышенную концентрацию услуг в ограниченном числе крупногородских центров, более уязвимых с эпидемиологической точки зрения.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. По роли третичного сектора в экономике Россия занимает промежуточное положение в Европе — между наиболее развитыми государствами и более слабыми странами с транзитивной экономикой. Отставание по доли третичного сектора в структуре ВРП и занятости, несколько сократившееся в начале 1990-х годов, в десятилетие кризисов практически не меняется. Основные причины отставания — не только историческая задержка в развитии третичного сектора, но и сохраняющаяся утяжеленная структура экономики, особенности расселения, инерционность в трансформации образа жизни.

2. Современная структура ВДС третичного сектора России наиболее близка к восточноевропейским государствам с более высокой долей традиционных отраслей — розничной торговли и транспорта — и существенным отставанием продвинутых услуг. Наряду с другими странами с утяжеленной структурой экономики в России сохраняется разрыв между долей сектора услуг в ВВП и в занятости, что косвенно свидетельствует о со-

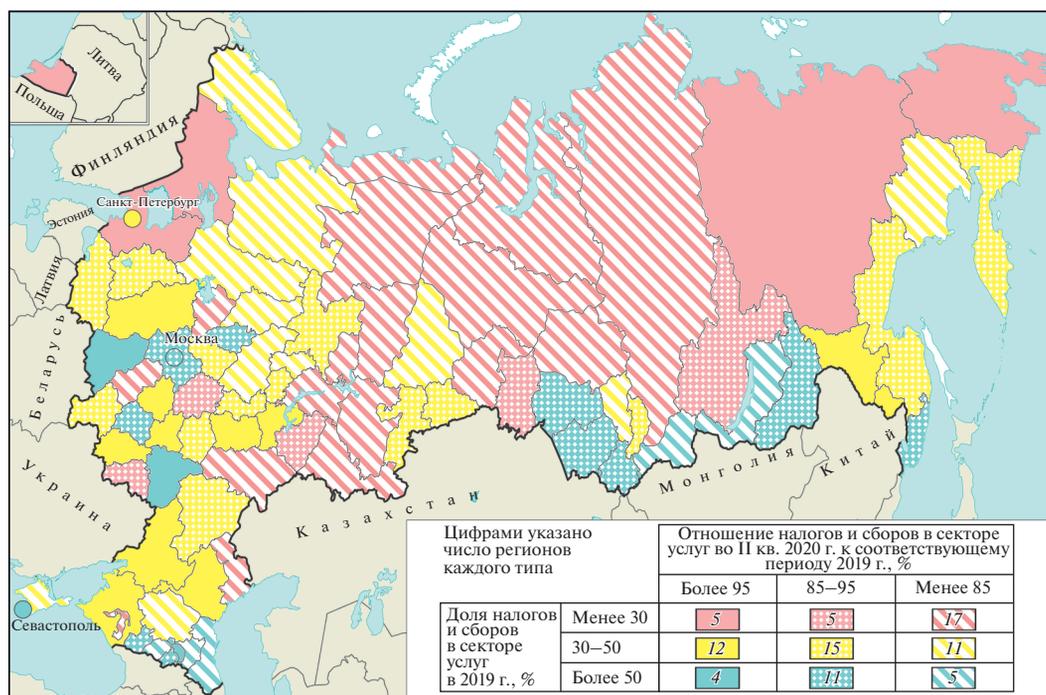

Рис. 7. Типы регионов России по соотношению доли третичного сектора (без транспорта) в налоговых поступлениях в 2019 г. и динамики налоговых поступлений во II квартале 2020 г. к соответствующему периоду 2019 г. Составлено по данным ФНС, https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

хранении в нем и более низкой производительности труда.

3. Рост занятости в третичной сфере, не затронувший лишь регионы сильного миграционного оттока на Европейском Севере и Дальнем Востоке, был значительно территориально дифференцирован. Лишь в 15 более развитых и миграционно привлекательных субъектах РФ темпы роста третичной занятости были не ниже среднероссийского уровня и сочетались с качественными изменениями в третичном секторе. В северокавказских республиках высокие темпы роста были связаны скорее с частичным выходом из тени малого и среднего бизнеса. В остальных регионах данный процесс носил характер вынужденной адаптации рынка труда в условиях сокращения рабочих мест в других секторах экономики.

4. В целом для большинства российских регионов различия в структуре ВДС третичного сектора не слишком велики. На фоне почти повсеместно доминирующих в разных пропорциях социальных услуг и розничной торговли главную дифференцирующую роль играют транспорт, непропорционально утяжеляющий вес третичного сектора периферийных регионов, и продвинутые услуги, сконцентрированные в ограниченном числе удаленных друг от друга межрегиональных центров – фокусов крупных агломераций.

5. Число регионов, душевой ВРП которых в третичном секторе в 1999–2018 гг. заметно вырос,

невелико. Половина из них – регионы с низкой базой, где рост связан с улучшением ситуации в предоставлении социальных нерыночных услуг или реализацией инфраструктурных проектов. Почти треть субъектов РФ показали пониженные темпы роста при исходной не слишком высокой базе. Несмотря на почти двукратное сокращение разрыва между лидерами и аутсайдерами, в трети регионов уровень душевого ВРП в третичном секторе составляет не более 50% от среднероссийского уровня.

6. Коронавирусная пандемия показала, что устойчивость налоговых поступлений от третичной сферы зависит в первую очередь от соотношения нерыночных и рыночных отраслей. Если первые довольно инерционны и относительно устойчивы, то вторые испытывают двойную нагрузку в условиях, когда спад потребительского спроса усиливается снижением деловой активности в ведущих отраслях специализации. Поэтому естественно, что в наибольшей степени страдает экономика третичной сферы сильных регионов с умеренной диверсификацией третичного сектора. При этом самые слабые территории, где рыночные отрасли представлены лишь розничной торговлей, также оказываются в зоне риска.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья подготовлена в рамках госбюджетной темы НИР географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова № 1.17 “Современная динамика и факторы социально-экономического развития регионов и городов России и стран Ближнего Зарубежья”.

FUNDING

The work was carried out in the Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, within the framework of the state-ordered research theme no. 1.17 “Modern dynamics and factors of socioeconomic development of regions and cities in Russia and in the CIS countries.”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ачкасова Т.А.* География третичного сектора // Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 65.
- Баранов К.В., Сафронов С.Г.* Развитие территориальной структуры крупносетевой торговли продовольственными товарами в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2019. № 4. С. 100–109.
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования М.: Асадемия, 2004. 944 с.
- Белл Д., Иноземцев В.Л.* Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
- Демидова Л.* Сфера услуг: изменение динамики производительности // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 12. С. 40–52.
- Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
- Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.* Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.* Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения. М.: Эдиториал УРСС, 2018. 400 с.
- Зотова М.В.* Особенности развития торговых сетевых структур в крупнейших городах России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2006. № 6. С. 71–80.
- Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Эдиториал УРСС, 2007. 264 с.
- Зубаревич Н.В.* Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 3. С. 26–38.
- Зубаревич Н.В.* География сектора услуг: новые вызовы // Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Издательский дом “Кодекс”, 2013. С. 483–491.
- Иноземцев В.Л.* Несовременная страна. Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер, 2018. 404 с.
- Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: Учеб. пособие. М.: Логос, 2000. 304 с.
- Иванов Д.С.* Трансформация сектора услуг регионов России. Дис. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. 142 с.
- Кузнецова О.В.* Структура экономики российских регионов и уровень их социально-экономического развития // Научн. тр.: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН / гл. ред. А.Г. Коровкина. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 473–493.
- Кузнецова О.В.* Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // Федерализм. 2020. № 2. С. 20–38.
- Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 28 (130). Ноябрь / Ин-т Гайдара и РАНХиГС. <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-28-130-noyabr-2020-g.html> (дата обращения 10.12.2020).
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Районы России и других европейских стран с переходной экономикой. М.: Институт географии РАН, “Ваш Выбор”, 1994. 70 с.
- Пилясов А.Н.* И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: УРСС. 2009. 542 с.
- Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / под ред. Н.В. Зубаревич. М.: Поматур, 2005. 278 с.
- Савлов М.Е.* Методика оценки структуры третичного сектора хозяйства стран мира // Изв. РАН. Сер. геогр. 2018. № 1. С. 21–30.
- Савлов М.Е.* Третичный сектор мировой экономики: подходы к созданию типологии стран // Региональные исследования. 2012. № 4. С. 33–46.
- Территориальная организация третичного сектора экономики / под ред. А.М. Носонова, И.А. Семиной. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017. 208 с.
- Ткаченко А.А., Фомкина А.А.* География сферы обслуживания и география сектора услуг: пройденный путь, состояние, перспективы // Региональные исследования. 2016. № 3. С. 5–13.
- Тоффлер Э.* Третья волна. М.: Издательство АСТ, 1999. 784 с.
- Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир: Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
- Трейвиш А.И.* Типология регионов по структуре экономики (карты, графики, пояснительный текст) // Национальный атлас России. В 4-х т. Т. 3. М.: Роскартография, 2008. С. 462–463.
- Уэбстер Ф.* Теории информационного общества / пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной / под ред. Е.Л. Варгановой. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
- Castells M.* The Rise of the Network Society. Information Age. Vol. 1. Wiley-Blackwell, 2009. 656 p.

Transformation of the Tertiary Sphere of Russia's Regions Economy in the Post-Soviet Period

S. G. Safronov*

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

**e-mail: saffff@mail.ru*

The downward trend in the role of the primary and secondary sectors of the Russian economy has become especially noticeable in the post-Soviet period during the transition to market relations. When analyzing the accelerated development of the tertiary sector, the main emphasis is usually placed on its objective nature and compliance with global trends. However, despite the common model of transformation of the structure of the economy with European countries, the results achieved both quantitatively and qualitatively differ from the level of more developed countries. These differences are even more pronounced at the regional level. In the article, the results of the tertiary sector development in Russia in the post-Soviet period are presented in comparison with other European countries and by the federal subjects. The research information base includes Eurostat and World Bank databases for cross-country comparisons, Rosstat materials for the typology of Russian regions, and quarterly data on tax contributions from the Federal Tax Service for the analysis of the stability of the tertiary sector sub-sectors in the context of the coronavirus crisis. Russia's lagging in terms of the share of the tertiary sector in the economy, which was rapidly decreasing in the first decade and a half of the post-Soviet period, has stabilized in recent years. The lagging behind developed European countries is determined by the weighted structure of the economy, combined with unfavorable institutional conditions for the development of B2B services, lowered consumption standards of the population, including those associated with its relatively low incomes, the sparseness of the settlement system, and tardy entry into the period of tertiarization. At the regional level, the quantitative and qualitative tertiary sector growth is characteristic of a stable group of fifteen of the most advanced federal subjects. In most of the rest regions, it is rather derivative on the background of a recession in other sectors of the economy. The resilience of the tertiary sector during the coronavirus crisis has been determined by the ratio of more inertial non-market and vulnerable market subsectors. The group with the largest relative losses includes both strong regions with moderate diversification of the tertiary sector and an increased share of B2B services and the weakest regions, where market branches are mainly represented by retail trade.

Keywords: service sector, dynamics of economic structure, COVID-19, coronavirus crisis, tertiary sector resilience, typology of Russian regions

REFERENCES

- Achkasova T.A. Geography of tertiary sector. In *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy. Slovar'-spravochnik* [Socioeconomic Geography: Concepts and Terms. Dictionary-reference]. Gorkin A.P., Ed. Smolensk: Oikumena Publ., 2013, 65 p. (In Russ.).
- Baranov K.V., Safronov S.G. Main spatial trends in the development of network food trade in Russia in 2000–2017. *Reg. Res. Russ.*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 256–266. doi 10.1134/S207997051903002X
- Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting*. Penguin, 1976. 507 p.
- Bell D., Inozemtsev V.L. *Epokha razobshchennosti: Razmyshleniya o mire XXI veka* [The Era of Disunity: Reflections on the World in the XXI Century]. Moscow: Tsentr Issled. Postind. O-va, 2007. 304 p.
- Castells M. *The Rise of the Network Society. Information Age*. Wiley-Blackwell, 2009, vol. 1. 659 p.
- Demidova L. Service sector: changing productivity dynamics. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2006, no. 12, pp. 40–52. (In Russ.).
- Gritsai O.V., Ioffe G.V., Treivish A.I. *Tsentr i periferiya v regional'nom razviti* [Center and Periphery in Regional Development]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 168 p.
- Inozemtsev V.L. *Nesovremennaya strana. Rossiya v mire XXI veka* [A Non-Modern Country. Russia in the World of the 21 Century]. Moscow: Al'pina Publ., 2018. 404 p.
- Inozemtsev V.L. *Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy* [Modern Postindustrial Society: Nature, Contradictions, Prospects]. Moscow: Logos Publ., 2000. 304 p.
- Ivanov D.S. Transformation of the service sector in the regions of Russia. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Moscow State Univ., 2012. 142 p.
- Kuznetsova O.V. Structure of the economy of Russian regions and the level of their socioeconomic development. In *Nauchn. Tr.: In-t narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific Works: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences]. Korovkin A.G., Ed. Moscow: MAKS Press, 2018, pp. 473–493. (In Russ.).
- Kuznetsova O.V. Vulnerability of the structure of regional economies in crisis conditions. *Federalizm*, 2020, no. 2, pp. 20–38. (In Russ.).
- Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the Economic Situation in Russia: Trends and Challenges of Socioeconomic Development]. Gaidar Inst., RANKhiGS, 2020, no. 28 (130). Available at: <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/moni->

- toring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-28-130-noyabr-2020-g.html (accessed: 15.05.2021). (In Russ.).
- Nefedova T.G., Treivish A.I. *Raiony Rossii i drugikh evropeiskikh stran s perekhodnoi ekonomikoi* [Districts of Russia and Other European Countries with Transition Economies]. Moscow: IGRAN, Vash Vybor Publ., 1994. 70 p.
- Pilyasov A.N. *I poslednie stanut pervymi. Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the Latter will be the First. Northern Periphery on the Way to the Knowledge Economy]. Moscow: URSS Publ., 2009. 542 p.
- Rossiya regionov: v kakom sotsial'nom prostranstve my zhivem? [Russia of Regions: What Social Space do We Live in?]. Zubarevich N.V., Ed. Moscow: Pomatur Publ., 2005. 278 p.
- Savlov M.E. Methodology for assessing the structure of the tertiary sector of the economy of the countries of the world. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2018, no. 1, pp. 21–30. (In Russ.).
- Savlov M.E. The tertiary sector of the world economy: Approaches for creating a typology of countries. *Reg. Issled.*, 2012, no. 4, pp. 33–46. (In Russ.).
- Territorial'naya organizatsiya tretichnogo sektora ekonomiki* [Territorial Organization of the Tertiary Sector of the Economy]. Nosonov A.M., Semina I.A., Eds. Saransk: Mordov. Univ., 2017. 208 p.
- Tkachenko A.A., Fomkina A.A. The geography of the service sphere and the geography of the service sector: The past path, state, prospects. *Reg. Issled.*, 2016, no. 3, pp. 5–13. (In Russ.).
- Toffler A. *The Third Wave*. Bantam Books, 1981. 537 p.
- Treivish A.I. *Gorod, raion, strana i mir: Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, District, Country and World: The Development of Russia Through the Eyes of a Regional Geographer]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2009. 372 p.
- Treivish A.I. Typology of regions according to the structure of the economy (maps, graphs, explanatory text). In *Natsional'nyi atlas Rossii* [National Atlas of Russia]. Moscow: Roskartografiya Publ., 2008, vol. 3, pp. 462–463. (In Russ.).
- Vishnevskii A.G. *Serp i rubl': Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [A Snake and a Ruble: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow: OGI Publ., 1998. 432 p.
- Webster F. *Theories of the Information Society*. Routledge, 2014. 416 p.
- Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. *Rossiiskaya Arktika: k novomu ponimaniyu protsessov osvoeniya* [The Russian Arctic: Towards a New Understanding of the Development Processes]. Moscow: URSS Publ., 2018. 400 p.
- Zotova M.V. Features of the development of trade network structures in the largest cities of Russia. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2006, no. 6, pp. 71–80. (In Russ.).
- Zubarevich N.V. Geography of the service sector: New challenges. In *Voprosy geografii* [Problems of Geography]. Vol. 135: *Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Population Geography and Social Geography]. Alekseev A.I., Tkachenko A.A., Eds. Moscow: Kodeks Publ., 2013, pp. 483–491. (In Russ.).
- Zubarevich N.V. *Sotsial'noe razvitie regionov Rossii: problemy i tendentsii perekhodnogo perioda* [Social Development of Russian Regions: Problems and Trends of the Transitional Period]. Moscow: URSS Publ., 2007. 264 p.
- Zubarevich, N.V. Transformation of the rural settlement pattern and social services network in rural areas. *Reg. Res. Russ.*, 2013, vol. 3, pp. 221–233. doi 10.1134/S2079970513030118